

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Экран и сцена - 1993 - 14-21.01.93 - с. 16

Эс

ОН ЖИЛ, ЧТОБЫ ТАНЦЕВАТЬ. ОН ТАНЦЕВАЛ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Рудольф Нуриев умер накануне Рождества.

Сочельник спустился на землю уже без него.

Великое таинство рождения и угасания жизни соединились. Божественная судьба земного человека завершилась, чтобы стать легендой уходящего века.

Земля парижского православного кладбища Сен Жевьев де Буа приняла легкое тело великого артиста. РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, ибо стоит вспомнить ахматовское «и ложимся в нее, и становимся ею», чтобы представить себе материальный и мистический состав этой последней обители блистательной плеяды мятежных и свободных граждан, родившихся в России и умерших вдали от Родины.

Век расколосил великую страну. Век распылил ее интеллектуальную и художественную мощь по свету.

Потеряла страна, приобрел мир.

Было время, когда она возвращала из небытия имена только мертвых — Бунина, Шаляпина, Рахманинова. Она получила надежду на возрождение, когда с покаянием вспомнила о живых. А живые не затаили зла и простили обиды.

Очевидец рассказывал, как в Международной гостинице хаммеровского центра в Москве лет пять назад красивый и элегантный господин шел по холлу, и вся иностранная братия постояльцев с восторгом смотрела на него, перешептываясь и открывая рты. «Нуриев», — шепестало вокруг, и только отечественному люду равным счетом ничего не говорили ни эта походка, ни эта стать, ни это лицо, известное всему миру. В родной стране его узнали только иностранцы.

Тогда он впервые приехал на Родину после 1961 года, когда ему позволили лишь на сутки навещать в Уфе умирающую мать, а до этого более четверти века категорически отказывали в его просьбе разрешить ей переехать или хотя бы ненадолго приехать к нему.

В 1961 году, перемахнув через барьер в аэропорту Бурже, он попросил убежища во Франции. Он был молод и бесподобно талантлив. Он имел невероятный успех и невероятную прессу. И чтобы он вдруг не остался во Франции, его решили отправить до окончания гастролей домой. Он вместо этого выбрал УБЕЖИЩЕ. А те, кто его толкнул на это, его же и проклинали, назвав изменником.

За то, что он не изменил себе, не изменил таланту, не изменил свободе.

Он все-таки успел вернуться на Родину живым. Увы, как оказалось, чтобы проститься с ней. Он успел все-таки станцевать на сцене родного Мариинского театра. Увы, на закате сценической карьеры, собрав уходящие силы.

Его страна прожила три десятилетия без него, считая изгоем. Он же разносил по миру славу русского балета и для всего света был русским артистом.

В декабре «Экран и сцена» (№ 48) посвятила Рудольфу Нуриеву разворот. Одно из интервью на этих страницах называлось «Хочу дожить до ста лет». Все знали, что Нуриев угасает, и все молили о чуде.

Чудо произошло раньше. Когда он родился, чтобы танцевать. И сто и больше лет будут помнить его имя и его танец, навсегда вписанные в историю балета.

Он жил, чтобы танцевать. Он танцевал, чтобы жить.

Алисия АЛОНСО:

Из жизни ушел величайший мастер балета нашего столетия. Начиная с шестидесятых годов, он оказывал колоссальное влияние на весь балетный мир.

(Рейтер).

Нинель КУРГАНКИНА:

Еще недавно, всего-то месяц с небольшим тому назад, мы вместе работали, а сейчас я снова лечу в Париж, но уже с горестной миссией — отдать последний поклон и сказать последнее «Прости» этому выдающемуся танцовщику, самому яркому из тех, кого нам довелось видеть.

Осенью я была его ассистентом при постановке «Баядерки» в Парижском оперном театре. Ему тогда уже сильно нездоровилось, но какая же удивительная жажда жизни была в этом мужественном и красивом человеке. С каким удивительным самообладанием он терпел боль, и как только мог приподняться, начинал работать.

Тридцать с лишним лет назад я была его партнершей по сцене, жизнь развела нас по разные стороны границ. На долгие десятилетия. Как горько, что это время разлуки безвозвратно. И горше вдвойне, что теперь уже навсегда ушел он сам.

Он мечтал приехать в Санкт-Петербург и работать там. Снова быть вместе. Не судьба. Ни его, ни всех нас.

Но он останется с Санкт-Петербургом. В училище, где он делал первые шаги в балете, его именем назовут зал, а само имя навсегда будет светиться в сонме великих имен русского балета. С русским балетом он никогда не был в разлуке.

Он дарил его всему миру. И мир осиротел с его уходом.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Наталья МАКАРОВА:

Когда человек так полон энергии, желания жить и восторга жить, трудно представить себе, что его уже нет. Глубочайшая скорбь... Для русских артистов он проложил дорогу на Запад. Его поступок придал мне мужества.

(Рейтер).

Морис БЕЖАР:

Сегодня на свете траур. Он же — всегда молчание, а не слова.

Я смотрел на Нуриева, как на Бога, и смерть его так ранит потому, что когда Бог уходит с Земли, траур сменяется мраком. Двадцатое столетие склоняет голову и колени.

Последний раз я видел его 1 сентября 1992 года в «Champ de Cormagnon érrant» вместе с экс-звездой «Балета XX века» Жоржем Доном. Я сидел и думал: он умрет и похитит божественный огонь.

Он умер, сам ушел от нас к Богу. Он перестал распылять свой талант перед нами-смертными. И мы заслуживаем этой потери. Смертный не способен постичь божественного огня, он его лишь оценивает с мнимой своей высоты, и потому он достоин ослепления от мрака.

Но я и любил Нуриева. Иногда по-человечески, иногда, как гении Бога, иногда, как гении гения.

Я чувствую кожей, а чувство это со временем станет очевиднее и горше, что-то ушло из профессии сразу с его последним вздохом, Бог забрал что-

Когда-то мы были партнерами, и я помню парижские триумфы шестьдесят первого года, и жестокую несправедливость к нему мелких завистников, сгубивших многие судьбы. Но не его. Я не предала его в те годы, когда потом был суд, и ему присудили семь лет «за непреднамеренную измену родине». Я говорила на том суде, кто вынул его расстаться с родной сценой, с родным городом, с Родной...

Рудик для меня оказался не просто партнером, а другом. Я, наверно, так и прозябала бы в жизни, как это было в последние годы, если бы случайно не встретила его на улице во Флоренции. И все перевернулось. Он позвонил в Монте-Карло Марике Безобразовой, позвонил в Париж, потом позвонили мне — предложили работу. И что хочу особенно подчеркнуть: никто при этом не называл имени Нуриева и сам он потом никогда не сказал мне, что это сделал он. Он из той породы людей, кто помогал друзьям без гордыни и корысти, не кичился своим положением.

Так рано, так страшно ушел он навсегда. Незабвенный партнер по сцене, незабвенный друг по жизни.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Михаил БАРЫШНИКОВ:

Нуриев — это один из самых увлекающих людей, которые когда-нибудь встречались на моем жизненном пути. Его жажда к жизни и работе была ненасыщаемой и неудовлетворенной. Он обладал обаянием и простотой обычных смертных и снисходительной надменностью богов. Окруженный множеством различных сред, он преданно выбирал только одно бытие и пространство: танец и только танец. И это пространство, и это бытие его тело и его душа наполняли не поддающейся осознанию, нематериальной красотой.

(Франс Пресс).

Фото Сержа Лидо.

то, данное и присущее одному лишь Нуриеву.

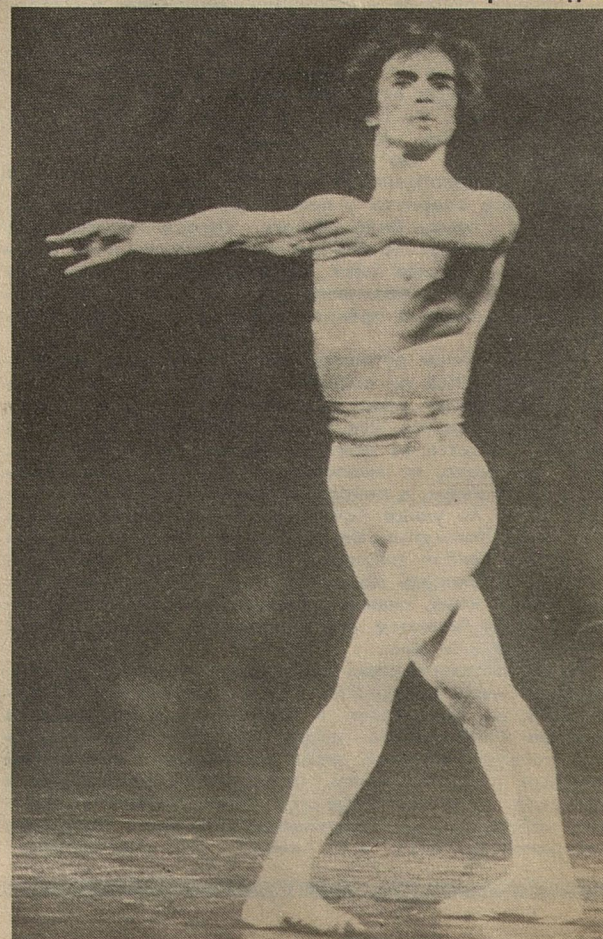
Я не хочу сказать: прощай, великий артист, я хочу сказать: что же ты сделал, великий...

ПАРИЖ.

(По телефону специально для «Экрана и сцены»).

Алла ОСИПЕНКО:

Сказать, что я тяжело переживаю его уход, значит, ничего не сказать. Он не просто для меня что-то сделал — он дал мне вторую жизнь.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО

Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Индекс 50182. Тип. № 10077. Адрес редакции: 101484, ГСП, Москва, ул. Новослободская, 73. Факс: [095] 2003225. Телефон секретариата: 285-79-28. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция справок не дает. «Экран и сцена» выходит по четвергам. Цена свободная. Подписано в печать 13.1.1993 г. в 14.00.